
ДИСКУССИОННАЯ
ТРИБУНА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РОССИИ

© 2018 г. В.А. Тишков

Институт этнологии и антропологии РАН

E-mail: tishkov@iea.ras.ru

Поступила в редакцию 08.01.2018 г.

В статье рассматриваются достижения, тенденции и проблемы в развитии общественных наук, прежде всего гуманитарных – истории, филологии и др. после 1991 г. Автор определяет особенности этой сферы фундаментальной науки и тенденцию роста приоритета отечественной тематики при сохранении установки на изучение глобальной тематики и старой структуры научных учреждений. Предлагается список инновационных тем для будущих планов и проектов. Особое внимание обращено на грантовую политику РГНФ–РФФИ, которая позволила преодолеть кризисные явления, возникшие после 1991 г., скорректировать научную повестку в пользу междисциплинарных, практически ориентированных исследований, а в институциональном плане – в пользу вузовской науки. Автором фиксируются кризисные и негативные явления в современной социогуманитарной науке, особенно связанные с её институциональным обеспечением, нормами научной этики и ответственности. Предлагаются меры по улучшению ситуации, в том числе касающиеся неоправданного сокращения доли грантовой поддержки учёных в системе Российской академии наук – средоточии гуманитарной фундаментальной науки в России.

Ключевые слова: гуманитарные науки, научные достижения, Российская академия наук, РГНФ, РФФИ, гранты, научно-исследовательские институты, вузовская наука, приоритеты, научные стандарты и этика.

DOI: 10.31857/S086958730002144-6

Гуманитарные науки – это блок научных знаний о человеке и обществе, к которым относятся прежде всего такие комплексные дисциплины, как история (включая археологию и этнологию) и филология (включая лингвистику и литературоведение), а также философия и политология, но две последние вне сферы моей компетенции. Вместе с социальными науками – экономикой, социологией, правом, психологией – этот комплекс составляет круг так называемых

общественных наук. Указанное деление довольно условно, некоторые науки трудно отнести к какой-то одной категории, здесь многое зависит от метода, исследовательской задачи и темы.

Можно выделить некоторые отличительные особенности гуманитарных наук:

- необходимость и самостоятельная значимость не только вывода, но и самого описания во многих гуманитарных дисциплинах и, соответственно, специфика научного продукта (монографии, словари, энциклопедии и др.);

- обращённость гуманитарных научных знаний не только к узкому профессиональному сообществу, но и к более широкой аудитории, ибо историю и литературу хотят знать многие, это необходимая часть культурного багажа современного человека, его идентичности;

- большой объём в исследованиях архивных, текстологических, полевых работ (раскопки, этнографические и фольклорные экспедиции, опросы и т.д.);

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель ИЭА РАН, член бюро Совета РФФИ.

- первостепенное значение публикации различного рода материалов: архивных документов, памятников письменности, первоисточников и т.д.

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ И ОБЩИЕ ТРЕНДЫ

В последнее время так называемые междисциплинарные исследования занимают ведущее место, ибо именно на стыке разных дисциплин чаще всего рождается новое знание [1, 2]. Не приди 40 лет тому назад к археологам в новгородский археологический раскоп лингвист А.А. Зализняк, не состоялись бы многие открытия в чтении берестяных грамот и истории русского языка. Нынешние антропологи, археологи, искусствоведы сотрудничают с биологами, генетиками, медиками, проникая в тайны артефактов, древних текстов, современного языка и мышления человека.

Наши коллеги физики и математики любят шутить по поводу того, что “есть науки естественные и есть неестественные”, имея в виду под последними общественные науки. Но должен сказать, что нужны и важны все науки, а не только расширяющие наши знания о природе и законах её развития. В отличие от естественных наук, для которых характерны общемировые тематики и тенденции развития (не существует отдельных российской, французской, немецкой химии или биологии), гуманитарные науки имеют более явную страновую специфику с точки зрения приоритетов и решаемых задач. Но и в области общественных наук присутствует общемировая повестка, ибо человек и производимые им культурные явления носят во многом универсальный характер [3].

Для России как страны с мировым геополитическим статусом характерен глобальный и универсальный интерес к явлениям общественного развития, эволюции человечества и отдельных обществ и государств, культурным феноменам и процессам. Поэтому, имея в виду научную стратегию, важно не впасть в две крайности: одна из них — глобальные претензии на изучение всего мира с неизбежным ослаблением интереса к отечественной проблематике; другая — изоляционистская позиция, когда во внимание принимается только Россия, а что происходит, к примеру, в Бразилии или Австралии — не наша забота. Тренд российского общественнознания конца XX и начала XXI века — возрастание отечественных приоритетов по причине утвердившейся в России интеллектуальной свободы, “открытия общества” и его драматического развития. Кстати, автор этой статьи — далеко не единственный учёный-гуманитарий, перешедший с конца 1980-х годов с зарубежной тематики на российскую, ибо здесь открылись новые возможности и собственная страна стала интереснее, чем

зарубежье. Поворот к отечественной тематике подкреплялся формировавшейся в России в 1990-е годы государственной грантовой политикой, а также более живым запросом власти и общественных институтов на разнообразную аналитику и информацию вместо практиковавшихся в советское время зачастую убогих “записок в инстанции” или рефератов малоодступных зарубежных публикаций для незнающих иностранные языки учёных и партийных работников.

Несмотря на кризисные явления начала 1990-х годов и многие сохраняющиеся трудности, прошедшие два-три десятилетия можно оценить как наиболее плодотворный в истории отечественного общественнознания период, с которым трудно сравнить какие-либо предшествующие. Достаточно сказать, что в институтах Отделения историко-филологических наук РАН, например, была радикально расширена тематика и увеличено число публикуемых работ, выполнены крупные научные проекты, вошедшие в золотой фонд российской науки. Это открытия в области ранней истории человечества и освоения им Ойкумены (Государственные премии РФ 2004 и 2012 гг.), исследования новгородских древностей и языка (Государственная премия РФ 2009 г.), создание многотомной “Всемирной истории” и исторической энциклопедии (Государственная премия РФ 2014 г.), энциклопедия “Народы и религии мира” и историко-этнографическая серия “Народы и культуры” (Государственные премии РФ 2001 и 2015 гг.), труды в области китаеведения (Государственная премия РФ 2009 г.). Помимо этих работ нужно назвать фундаментальные труды по истории России, создание корпуса русского языка, академических словарей, подготовку собраний сочинений русских писателей, изучение сибирского фольклора, миноритарных языков, истории религий.

Необходимо признать, что основной объём фундаментальных научных исследований, как это было и в прошлом, выполнялся штатными научными сотрудниками 15 так называемых центральных (Москва и Санкт-Петербург) и примерно 10 региональных (Новосибирск, Екатеринбург, Владивосток, Уфа, Улан-Удэ, Махачкала, Петрозаводск и другие) научно-исследовательских институтов, входящих в состав РАН, с 2013 г. — в систему ФАНО, а с 2018 г. — в систему вновь созданного Министерства науки и высшего образования и под научно-методическим руководством профильного отделения РАН. Все эти годы институты с числом научных сотрудников немногим более трёх тысяч имели скромное, но стабильное государственное финансирование и фактически самостоятельно определяли приоритеты и разрабатывали свои научные планы [4]. Конечно, такая система устарела, ибо обладает большой инерционностью и недостаточной ориентированностью на общественный запрос (или так называемый социальный заказ). Однако в тот же период важную роль в развитии и обновлении гуманитарных наук сыграла поддержка со

стороны созданного в 1992 г. Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), который в 2016 г. вошёл в состав Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В какой-то мере грантовый отбор научных тем и проектов корректировал низовую научную инициативу, и в этом проявлялось внешнее научное воздействие со стороны экспертов и советов научных фондов [5, 6].

В условиях явного бюджетного недофинансирования за эти годы грантовую поддержку получили более 250 тыс. российских учёных-гуманитариев. К началу 2017 г. было профинансировано более 50 тыс. научных проектов, в том числе: выполнено более 30 тыс. проектов научных исследований; опубликовано в рамках их выполнения свыше 150 тыс. научных статей; проведено около 2,5 тыс. симпозиумов, конференций, семинаров и других научных мероприятий; поддержано около 3 тыс. экспедиций, других полевых исследований; создано более 1 тыс. информационных ресурсов в сети Интернет; издано около 6 тыс. научных книг.

Особенно впечатляет издательская программа в области гуманитарных наук. За 25 лет более 200 российских библиотек бесплатно получили почти 1 млн экземпляров научных книг, изданных при грантовой поддержке. По сути дела, грантовая поддержка в наиболее сложные времена спасла научное книгоиздание в области социогуманитарных наук. И не только спасла, но и помогла вывести его на новый уровень, ведь для учёных-гуманитариев в большинстве случаев книга — это и единственный способ введения полученного в ходе исследований нового знания в научный оборот, и способ внедрения нового знания в практику. Установленные в последние годы контрольно-финансовыми органами ограничения на тираж и на право продажи изданных по грантам научных книг, на мой взгляд, ошибочны и требуют срочного пересмотра. Научная книга очень редко приносит коммерческую прибыль, она должна продаваться и присутствовать на книжных полках магазинов не один год, отвечая на запросы каждого нового поколения учёных и студентов. По крайней мере, такова практика магазинов научной книги в университетских кампусах мира. В России же система продажи научной книги просто разрушилась, в том числе и из-за неповоротливости издательства “Наука”, несмотря на бесспорные заслуги последнего.

С 1998 г. в гуманитарной сфере стали проходить региональные конкурсы РГНФ в соответствии с соглашениями, заключёнными с администрациями и правительствами субъектов Российской Федерации. Эти конкурсы способствуют развитию гуманитарной науки не только в традиционно сложившихся научных центрах, но и по всей стране, они нацеливают учёных на решение проблем

региона. Региональные проекты посвящены изучению языков, литератур, культурного наследия народов России, проблемам социального и экономического развития региональных и местных сообществ и способствуют активизации социогуманитарных исследований в субъектах Российской Федерации. Всего за время проведения региональных конкурсов было поддержано более 11 тыс. научных проектов социогуманитарной направленности, на их финансирование выделено более 1 млрд руб. Учитывая, что поддержка региональных проектов, как правило, осуществляется фондом и субъектами Российской Федерации в равных долях, получается, что и из местных бюджетов к финансированию региональной гуманитарной науки была привлечена почти такая же сумма.

Эффективным способом реагирования на запросы общества, включая интересы органов власти, стало проведение целевых конкурсов проектов междисциплинарных исследований. В связи с объявлением 2006 г. Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д.С. Лихачёва — был проведён конкурс “Культурное наследие России”. 2007 год стал Годом русского языка, и РГНФ провёл тематический конкурс “Русский язык в современном мире”. Первый собственно целевой конкурс “Россия в условиях мирового кризиса” прошёл в 2009 г. Начиная с 2011 г. целевые конкурсы проводятся ежегодно. За это время в их рамках поддержано 250 научных проектов на общую сумму более 688 млн руб. Среди успешных по своим результатам можно, в частности, назвать конкурсы: “1150 лет российской государственности”, “1812 год в истории и культуре России”, “Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)”, “Творческое наследие М.Ю. Лермонтова и современность”, “Россия в 1917 году”, “Крым в истории, культуре и экономике России”, “Подготовка словарей русского языка различного типа и назначения”.

Этот позитивный тренд развития отечественной тематики в сфере гуманитарных наук может и должен получить подкрепление, если не только государство, но и частные лица и компании почувствуют вкус и потребность в поддержке гуманитарного знания, в том числе и такого, которое не приносит прямых и быстрых дивидендов. Пока же спонсоры, дающие деньги на изучение, скажем, русских летописей, фольклорную экспедицию, подводную археологию и что-то подобное, воспринимаются преобладающей частью делового сообщества как щедрые чудики, а не как норма. Приведу один пример. Из почти 40 томов серии “Народы и культуры”, посвящённых народам России и сопредельных стран, большинство вышли в свет благодаря поддержке РГНФ–РФФИ, несколько томов о титульных народах российских республик получили

поддержку от республиканских властей. А вот труднее всего оказалось найти спонсоров на тома “Русские” и “Еврей”. В первом случае непонятно было, к кому обращаться за поддержкой: “все за русских, но денег нет”; во втором — труднообъяснимая экономность и внутриеврейские “диспозиции” затаили решение вопроса почти на два года при уже готовой рукописи труда.

Подведу итог. Научная стратегия в развитии гуманитарного знания должна опираться на триединую составляющую: инициативу самих учёных, запрос и поддержку государства и частное спонсирование не только бизнесом, но и институтами гражданского общества, для чего требуется разяснительная работа [2]. Нужно убедить потенциальных спонсоров, что дать деньги на научную экспедицию или издание академического труда не менее достойно, чем оплатить гала-концерт или престижный приём.

СКОЛЬКО И КАКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ НУЖНО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Отечественная гуманитарная наука с момента её становления развивалась на мультидисциплинарной основе и отличалась всеохватными установками и амбициями, которые во многом были оправданы и подтверждались реальными достижениями. Достаточно привести примеры комплексных кругосветных экспедиций Российской академии наук времён Российской империи (И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, О.Е. Коцебу и другие) или советской номенклатуры академических научных институтов общественно-гуманитарного профиля, которая охватывала все основные дисциплины, регионы и страны, а также мировые процессы в целом. Так, в годы краха колониальной системы и рождения десятков новых стран в АН СССР создали Институт Африки, случилась Кубинская революция — появился Институт Латинской Америки, в период войны во Вьетнаме Институт востоковедения получил 100 новых ставок. После 1991 г. сформированная в СССР система НИИ сохранилась как феномен всеохватного интереса с отсылкой на роль страны в мире, отчасти — по инерции. Какие здесь возможны перемены — вопрос важный и явно не предполагающий волюнтаристских решений. Однако, на мой взгляд, в России нет смысла сохранять глобальный фронт гуманитарных исследований в старом советском варианте, но нужно без крайностей изоляционизма скорректировать научные приоритеты вокруг отечественной проблематики и части глобальных проблем, имеющих прямое отношение к национальной безопасности, к обеспечению экономической и культурной конкуренции во внешнем мире.

В области исторических наук это прежде всего история России, в области археологии и этнологии — историко-культурное наследие, этническое и религиозное многообразие на территории исторического Российского государства, в области востоковедения — евразийский компонент российского прошлого и настоящего. Корректировка в пользу собственно российской тематики возможна и необходима по всему комплексу гуманитарных дисциплин, конечно, в разумных пределах. Потребность в знании о внешнем мире и о прошлых эпохах человеческой истории должна сохраняться в образовательных целях и в целях внешней политики, российской дипломатии и бизнеса.

В области филологических наук следует поддерживать мировой уровень российской лингвистики, хотя увлечённость структурной лингвистикой проходит, а на передний план выходят современные языковые процессы, языковая политика и так называемая корпусная лингвистика. Нам бы следовало возродить интерес к классическому литературоведению, особенно в том, что касается изучения истории русской литературы и её мирового значения. Нынешние поколения россиян всё меньше “читают и перечитывают классику”, как к тому призывает известная передача на телеканале “Культура”. Кстати, в планах РФФИ — организация целевых конкурсов, посвящённых творчеству Ф.М. Достоевского, А.М. Горького, В.В. Маяковского.

Особое место с учётом многонациональности нашей страны занимают гуманитарные исследования в республиках Российской Федерации. Здесь почти повсеместно существовали один-два научно-исследовательских института гуманитарного профиля, входивших в систему АН СССР, а позднее — в РАН. Эти коллективы не отличались особо выдающимися достижениями, но свой скромный хлеб отработывали вполне достойно, а самое главное — здесь велась разработка не только локальных проблем, но, что очень важно, и таких, которые имеют общероссийское и даже мировое значение. Ну, скажите, где ещё в мире лучше всего изучать калмыцкий язык и эпос “Джангар”, как не в самой Калмыкии? Где ещё возможно полноценное исследование уникального для всего мира языкового разнообразия Дагестана — этой “горы языков”, как не в профильном гуманитарном институте Дагестанского научного центра РАН? И так по всем республикам, где сохраняется и изучается историко-культурное наследие народов России как часть мирового культурного достояния. Не говорю уже о том, что республиканские учёные-гуманитарии работают на сохранение языков, традиций и поддержание этнокультурной идентичности титульных народов республик. В то же время их принадлежность к Российской академии наук и связь

с её ведущими институтами обеспечивают подготовку кадров учёных, должны научные стандарты и предохраняют от риска впасть в периферийный изоляционизм. Это замечание важно, ибо часть гуманитарных институтов в республиках уже попала под нож проводимой ФАНО реструктуризации академических научных учреждений.

Какие старые приоритеты стоит сохранять и какие новые можно предложить? Есть ряд так называемых классических дисциплин и научных занятий, требующих постоянной поддержки и развития как бы по самому факту своего существования и российской ответственности за их развитие. Назовём наиболее важные из них:

- исследования в области русской словесности и культуры, языков и культур народов России и общенационального историко-культурного наследия;
- исследования образа жизни, интересов и потребностей, традиций и ценностей жителей страны, жизненных смыслов и стратегий современных россиян;
- основы социальной жизни и организации общества на всех его уровнях — от общенационального до регионального и локального;
- исторический опыт управления и самоуправления культурно сложным обществом;
- условия, механизмы и формы воспитания ответственного гражданина, правовой культуры;
- психологическое состояние общества, гражданская солидарность и согласие.

Достижения по всем этим направлениям различаются с точки зрения уровня разработок, но везде ощущается недостаток в объединении усилий представителей гуманитарных дисциплин вокруг крупных проектов, есть потребность в инновационных исследовательских методиках.

Грантовая политика последних лет и шаги по инвентаризации системы научных учреждений, казалось бы, ориентируют на междисциплинарность, на создание творческих коллективов с охватом в том числе и вузовской профессуры. От последней требуют научной продукции самого высокого уровня, и за это Минобрнауки России было готово щедро платить, но, к сожалению, не всем, а только вузам-лидерам, избранным для вхождения в число ста ведущих вузов мира. Однако линия поддержки вузовской науки, в том числе за счёт сокращения поддержки академического сектора, вошла в конфликт с установкой на резкое повышение заработной платы профессуры, ибо последнее оказалось возможным только при условии увеличения учебной нагрузки. Не нужно обманываться: нынешние чрезмерные нормы аудиторной занятости преподавателей не оставляют им времени и сил

для занятий наукой. К этому добавились разные “укрупнительные” инициативы в университетах, в результате которых стали исчезать классические исторические и филологические факультеты, а также самостоятельные кафедры по научным направлениям, где и делалась вузовская наука.

В итоге вузовская гуманитарная наука в России как была, так и осталась провинциальной, вторичной, ожидаемых прорывов здесь не произошло, кроме хороших показателей четырёх-пяти главных университетов страны, способных привлекать совместителей из академических институтов. Вузовские учёные российской провинции пытаются пробиться в число научных авторитетов, но без среды, контактов, командировок, а самое важное — без продолжительных творческих отпусков особых сдвигов не произойдёт. Как минимум, каждый пятый учебный год должен быть для вузовских преподавателей свободным от учебных занятий и отведён для научных изысканий. Такова мировая практика, которая никак не утвердится в России. Но даже если произойдёт существенное улучшение качества гуманитарной науки в вузах, что можно только приветствовать, всё равно Российская академия наук и её научно-исследовательские институты останутся главными центрами фундаментальной науки в нашей стране. Именно отсюда и частично от зарубежных коллег исходят научные новации по части тем и методик.

Несмотря на фактически сохранившуюся за 25 лет систему научно-исследовательских институтов в системе РАН и их кадрового и финансового обеспечения, всё же происходит некоторая перегруппировка в соотношении основных обществоведческих дисциплин хотя бы на уровне грантовой научной политики. В этой связи интересные выводы можно сделать из анализа поддержанных за 25 лет деятельности РГНФ проектов по различным областям социогуманитарного знания. Традиционно среди таких проектов особенно высока была доля историко-филологических наук. Так, в 1996 г. по истории, включая археологию и этнографию, было поддержано 31% от всех профинансированных проектов, по филологии — 20%, итого — 51% всех поддержанных проектов были по истории и филологии. В 2004 г. ситуация была следующая: история — 26,6%, филология — 18,4%, итого — 45%. В 2016 г. проекты по истории составили 22% от числа поддержанных, по филологии — 21%, итого — 43%. Как видим, распределение поддержанных проектов историко-филологического блока не остаётся постоянным, но всегда лидировала история, а весь этот блок, оставаясь по-прежнему лидером, несколько уступил свои позиции и уже не дотягивает до 50% в общем количестве предоставленных грантов.

Кстати, уменьшилась и доля одобренных проектов по комплексу наук, объединяемых обычно под

рубрикой “общественные науки” (с 23,1% в 1996 г. до 19% в 2016 г.). Зато значительно увеличилась поддержка грантов по блоку наук, объединяющему психологию, педагогику и комплексное изучение человека (с 8,5% в 1996 г. до 19% в 2016 г.). Доля экономических наук выросла не так значительно (с 12,5% в 1996 г. до 15% в 2016 г.). Возникло новое направление, по которому поддерживаются научные проекты, — “глобальные проблемы и международные отношения”, однако их доля невелика: в 2016 г. всего 2%.

Анализируя приведённые цифры, конечно, вряд ли правильно будет делать окончательные выводы о каком-то глобальном переструктурировании поля гуманитарных наук. Но всё же можно отметить одну тенденцию, подтверждаемую, кстати, и наблюдениями других исследователей: повышается интерес к тем сферам социогуманитарного знания, которые предполагают более короткий путь от фундаментальных разработок к их прикладному использованию. Таковыми, без сомнения, являются психология, педагогика, социальные проблемы здоровья и экологии человека, экономика. Не берусь оценивать эту тенденцию, однако, судя по всему, это общее веяние времени, выражаемое кратко словом “прагматизм”.

Признавая первичность инициативы самих учёных, рискну предложить перечень перспективных тем и приоритетов в области социогуманитарных наук.

1. Исследование феномена коллективной и личностной идентичности россиян, включающей в себя такие составляющие, как чувство сопричастности с Родиной, понятие общественного блага, ответственности за собственные здоровье и семью, соблюдение прав и обязанностей.

2. Проблема жизненных приоритетов и смыслов разных возрастных категорий и социальных групп с учётом не только прошлого опыта и традиций, но и современных ценностей и интересов.

3. Пространственное развитие российской нации с учётом географического и хозяйственного факторов, исторического опыта освоения природных ландшафтов и ресурсов, а также динамики этнического состава и миграции населения.

4. Проблема индоктринации и рекрутирования представителей разных групп, возрастов и национальностей в радикальные идеологии и общественные практики как условие для проявления экстремистского насилия, включая терроризм.

5. Проблема “культурных пригородов” в виде районов массовой застройки с отсутствием форм социального контроля, общественной самоорганизации и чувства жизненной удовлетворённости.

6. Грозящие конфликты на основе культурных и социальных различий между старожильческим

населением посёлков и деревень и населением новых мегаполисов.

7. Проблема сохранения природной и исторической среды обитания, культурной памяти, сакральных мест в условиях рыночной экономики и частной собственности на землю и ресурсы.

Это очень широкие темы, разработка которых невозможна без участия экономистов, социологов, политологов и специалистов других направлений, научные интересы которых лежат за пределами сугубо гуманитарных дисциплин.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В этой области существуют серьёзные проблемы и самая главная из них — разрушение профессиональных стандартов, нравственно-этических норм и ответственных межличностных отношений в среде научных работников и профессорско-преподавательского состава. В сферу образования и науки, не изжив практики старого советского так называемого номенклатурно-телефонного права, агрессивного внедрились коммерческо-денежные интересы и погоня за научными степенями (к сожалению, преимущественно в области социальных и гуманитарных наук) со стороны “людей с ресурсами”, амбициозных и полукриминальных личностей.

Научное сообщество не смогло выстроить барьеры этому явлению, а часть его представителей сама приняла участие в изготовлении учебных и научных работ “на заказ”, в “остепенении” чиновничьей братии. До последнего времени не было никаких ограничений для госслужащих и других влиятельных лиц на приобретение (покупку) степени и звания. Предыдущий руководитель верхней палаты российского парламента как-то хвастался, что три четверти сенаторов имеют научные степени и звания, поэтому особой нужды в научном обеспечении своей деятельности такой сенат не имеет! Проблема недостаточной компетенции при выработке политических решений не входит в задачу данной статьи, но такая проблема, безусловно, существует.

Длительное существование своеобразной формы академической коррупции, особенно в вузовской среде и в части академических институтов, привело к воспроизводству поколения малоквалифицированных представителей научной интеллигенции, деградации представлений о научности как таковой и научной этике. Это новое кризисное явление усугубило старые проблемы организации гуманитарных исследований: наличие в кадровом составе значительного числа малопродуктивных и даже неспособных к науке работников институтов и вузов, инерция в исследовательской деятельности, отсутствие инициативы в поиске источников и заказчиков-потребителей

научных результатов. По Институту этнологии и антропологии РАН, которым я руководил 26 лет, могу сказать с уверенностью, что примерно треть научных сотрудников утратила способность или прекратила свою научную деятельность, ещё треть довольствуется минимальными показателями, и лишь на оставшуюся треть приходится основной объём значимых научных результатов. Всякие разговоры, что для научных “звёзд” нужен “бульон” из середняков и слабых, несостоятельны, скорее, они носят оправдательный характер. Может быть, в каких-то учреждениях этот балласт не так велик, но проблема научных коллективов как своего рода “собеса”, где можно годами жить за счёт других, остаётся. Возможно, она самая главная, ибо отсюда проистекают уравниловка и недоплата тем, кто заслуживает большего. Пока проводимое ФАНО кадровое обновление институтов и вузов этой проблемы никак не касается. Одним из вариантов её решения могут быть своего рода “научные пенсии” для уходящих в отставку работников и более четкие квалификационные требования. Печально известные “ПРНД” в научных учреждениях не работают, а придуманные кабинетными умниками новые показатели носят ещё более неадекватный характер. Как раз самые нерадивые и ловкие оказываются первыми по разным формальным показателям, проплатив в том числе для себя даже “зачётные” публикации.

Инициативы последних четырёх лет по реорганизации академической науки мало что дали российским гуманитариям: балласт (малопродуктивные и фактически неработающие люди в науке) не был затронут реорганизацией институтов, проникновение случайных людей и их “остепенение” не прекратилось, морально-нравственный климат в системе научных сообществ не стал чище. Ко всему этому добавилась растущая индустрия изготовления платных публикаций и надувания наукометрических показателей, в чём опять в большой степени отличились именно гуманитарные науки. Оказавшиеся в списке рейтинговых, по сути, “мусорные” журналы (за давние заслуги или за громкие имена на титулах) стали пухнуть от денежных заказов на публикацию статей, но так и остались низкопробными изданиями. Качественные научные журналы, где есть обязательное анонимное рецензирование и где работают редакционные коллегии, вынуждены тратить массу усилий, чтобы попасть в эти престижные списки без лоббистских усилий.

Или другая болезненная проблема: вдруг выясняется, что интернет-версия журнала невозможна, ибо сам он когда-то и кем-то был продан коммерческой фирме, которой важно не донести знание до специалистов, а продать побольше подписных экземпляров. Такова, например, история с компанией “Ист-Вью пабликейшн”, которая подобрала под себя зарубежную подписку научных журналов и в запутанном тандеме с издательствами “Наука” и “Плеядес

паблишинг” лишила издательских прав научные институты, создавшие эти журналы и обеспечивающие их работу поныне. Приведу в качестве примера некогда главный академический журнал историков “Вопросы истории”, который 25 лет тому назад приватизировал коллектив редакции и который превратился в хилый семейный междусобойчик, но пребывает в списке Web of Science за свою давнюю славную историю. Теперь, благодаря платным статьям, денежные дела у журнала пошли в гору, но никак не в смысле научного уровня публикаций.

Невиданная вещь стала твориться в науке: теперь статьями по гуманитарным наукам могут считаться тексты в 3–5 страниц, лишь бы были ключевые слова, английское резюме и список литературы. В одном из таких новомусорных журналов по этносоциальным проблемам я обнаружил в каждой из статей в списке литературы работы главного редактора журнала, и так — из номера в номер и независимо от темы! Это явный пример паразитической системы “выращивания” наукометрических показателей. Но сам журнал тронуть трудно: на самом вершине в председателях попечительского совета стоит такая фамилия, что лучше не связываться.

Вынужден отметить, что в России в самые последние годы наблюдается падение престижа учёных-гуманитариев, пренебрежение профессиональным знанием, расцветает паранаука и эзотерические, антинаучные конструкции и намеренные фальсификации [7]. Политики и пропагандисты не выдерживают искушения так называемым презентизмом, проявляющимся в формулировании и навязывании таких концепций и оценок истории и явлений культуры, которые годятся на потребу дня и совсем необязательно находятся в согласии с наукой. Миф объявляется истиной, если в него уверовали конструкторы субъективных предписаний и вместе с ними — массовый потребитель. Обращение к подлинности считается ненужным и даже вредным.

Принятые отечественной наукой концепции истории России подвергаются ревизии со стороны внешних политизированных интерпретаторов русофобской направленности и внутренних неофитов разного толка — от ультраконсервативных активистов до авторов сугубо скандальной направленности. Объясните мне, зачем крупному российскому издательству публиковать книгу некоего Понасенкова с бредовой версией истории Отечественной войны 1812 года? Если с целью заработать копейку на скандальности, то это очень плохо, если же по причине некомпетентного отбора — тогда ещё хуже. Создаётся впечатление, что российские издатели перестали заботиться о репутации и воздействии своей продукции на мораль, психику и компетенции россиян, главное для них — продать и заработать.

Уже три десятилетия полки наших книжных магазинов заставлены историческими “трудами” с золотыми обрезами, авторы которых намеренно выступают разрушителями научно-академических взглядов на историю, сочиняют эзотерические версии происхождения человека, человечества и отдельных народов, не гнушаясь расизмом и экстремистскими трактовками. Эта антинаучная муть по своему вредному воздействию на читающих граждан мало чем отличается от антироссийских фальсификаций, вызывающих справедливое осуждение общественности. На наших глазах популярные ненавистники России типа Т. Снайдера и Э. Аппелбаум натаскивают нынешнее поколение западной молодёжи на полную ревизию фундаментальных научных версий истории XX столетия. Мало чем отличаются по своей антинаучной заданности и отечественные реабилитаторы Сталина и массовых репрессий или создатели ореола святости вокруг российской монархии. В такой ситуации профессиональных гуманитариев зачастую охватывает чувство безысходности и желание закрыться в академических “башнях из слоновой кости”, что, по сути, является ошибочной позицией.

Нынешняя ситуация в российской гуманитарной науке требует программы мер концептуально-теоретического, институционального, научно-организационного характера. Среди них можно предложить следующие.

1. Поднять престиж важнейших направлений социально-гуманитарных наук, включив некоторые из них в перечень соответствующих важнейших научных направлений, утверждённых на уровне государства.

2. Провести общественные дискуссии и выработать разделяемые научным сообществом нормы и подходы к критериям научности и профессионализма в области гуманитарных наук.

3. Выработать качественные и репутационные критерии в оценке эффективности деятельности исследовательских институтов, групп, отдельных ученых в области гуманитарных наук.

4. Провести реформу ВАК, обновить советы по присуждению учёных степеней и выполнить внешнюю экспертизу правомочности вузов самостоятельно присуждать учёные степени.

5. Принять более строгие критерии для учреждения научных изданий и их включения в так называемый список ВАК, а также условия и критерии для грантовой поддержки и проведения конференций в области социально-гуманитарных наук.

6. Повысить персональные требования к учёным и их ответственность за подготовку диссертаций, отзывов о работах, рецензирование публикаций и оценку грантовых заявок.

7. Снять излишние бюрократические ограничения по части условий расходования средств, отчётности и реализации итогов выполненных по грантам исследований.

Но самое важное предложение — хотя бы частично отыграть назад дискриминационную политику в отношении академических научно-исследовательских институтов, которые и без того отстали от вузовской профессуры по части оплаты труда, а за последние четыре года пережили сокращение доли и в грантовых субсидиях. Применительно к социогуманитарным наукам в 1996 г. доля выполняемых в институтах РАН и других государственных академий наук проектов составила 54% от всех поддержанных. В 2013 г. она снизилась до 52%, а в 2016 г. — 26,3%. В вузах (включая МГУ) в 1996 г. выполнялось 20% поддержанных проектов, в 2013 г. — 33%, а в 2016 г. — 53%. Здесь налицо резкий рост числа и объёма финансирования выполняемых в вузах проектов и драматическое сокращение числа проектов, выполняемых учёными академических институтов, причём именно в последние три года (с 52% в 2013 г. до 26,3% в 2016 г.). Некоторые полагают, что это всего лишь последствия слияния двух фондов, но мне представляется, что без намеренных установок и настроений экспертов здесь дело не обошлось, и эту неблагоприятную для академических учёных ситуацию следует исправить.

Хотя всё высказанное отражает мою личную позицию как учёного, смею надеяться, что предложенный анализ ситуации станет предметом обсуждения и поводом для возможных корректив в области отечественной научной стратегии.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 14-18-03090.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальчук М.В. Наука и жизнь: моя конвергенция. Т. 1. М.: ИКЦ “Академкнига”, 2011.
2. Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // Вестник РАН. 2014. № 6. С. 506–513.
3. Тишков В.А. О пользе гуманитарного знания // Независимая газета. 2012. 12 сентября.
4. Наука России в цифрах: 2014. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2014.
5. Семёнов Е.В. Явь и грёзы российской науки. М.: Наука, 1996.
6. Воронников Ю.Л. Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований // Благотворительный фонд, благое дело. К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М.: РГНФ, 2004.
7. Тишков В.А. Новая историческая культура. М.: Изд-во МГОУ, 2011.